

12+

Александр Калинин-Русаков

Арбуз

Александр Калинин-Русаков

Арбуз

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Калинин-Русаков А. Н.

Арбуз / А. Н. Калинин-Русаков — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Мы смотрели на мир детскими глазами, ждали необыкновенного завтра, не догадываясь, что это и есть счастье, имя которому - детство...

© Калинин-Русаков А. Н., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Мне говорили: «Не ездь, пусто там..., нет ничего...» Не поверил, и спустя несколько дней, стоя внутри квадрата из крапивы на месте дома, где когда-то жил, увидел всё: две поселковые улицы вдоль протоки, зеркало круглого озера, чахлое болотце позади, излучину реки, дома, людей... Они о чём-то говорили, но ветер уносил их голоса...

Супруге Ольге Калининной, Дмитрию Калинин, Дмитрию Халтурину

Тем, кто спустя полвека разделил со мной непростую экспедицию в ссыльное прошлое, посвящаю...

Арбуз

Зиме не хотелось уходить. Весна торопила её: съедала снег на размякших дорогах, грела проклюнувшиеся пригорки, развешивала бриллианты капель на тесовых крышах. Срубы домов, блаженно согревая старые бока в первых лучах, наблюдали за приходом тепла красными шапками герани в оттаявших окнах. Ждали весну...

С острова на излучине Иртыша, где приютилось Новое село, непросто было пробиться к Большой земле. Путь на Восток преграждал Иртыш, на юг – протока с неприступными берегами и диковинным азиатским названием Аркалам, с запада и севера нередкая речушка Боровая. Село растянулось по берегу двумя улицами. Одна из них мимо магазина на пригорке, школы с тополёвой аллеей, оставив в стороне кладбище, уводила путника к переправе на Сибирский тракт. Вторая, Мельничная, начинаясь у обрывистого берега протоптанной колеёй по кособокому, вдоль серых домов, зернотока, причудливо извиваясь среди полей ржи, заканчивалась у старой мельницы с круглым прудом.

Боясь беспокойного соседства с рекой, жильё на берегу давно уже никто не строил. Один человек поселился здесь за последние годы. Звали его все Капитан. В прошлом он и на самом деле был капитаном двухтрубного парохода «Сталин». Благодаря этому громкому названию и получил он свою десятку, неудачно пошутив, что управляет Сталиным. Сам Капитан ничего не рассказывал, а расспрашивать здесь было не принято.

Поселенцы до сих пор не могли надышаться свежим воздухом весны 53-го. Лагерь, ссылку тогда всем поголовно заменили «вольнушкой». В новом времени для всех это была самая большая радость. Говорить было ещё страшно, да и отвыкли они за эти годы, но дышать стало полегче.

Любил Капитан слушать, как среди зимы трещит на реке лёд, как на замёрзшем небе хрупкими сосульками позванивают звезды, купаясь в переливах северного сияния. Весной, к его радости, река оживала. Пароходы, проходя мимо, неистово дымили, вспенивали воду неугомонными колёсами, приветствовали Капитана басистыми гудками. Теперь он мог часами сидеть на лавочке у плетня и смотреть на реку. Такая служба у бакенщика – наблюдать за рекой.

Жернова жестокого времени, перемалывая в муку происходящие события, оказались не властны над обычными, казалось бы, слабыми людьми. Поселенцы, вопреки всему не желая превращаться в пыль, одержимо любили, женились, рожали детей, ссорились, мирились, хоронили, понимая: лучшее будущее вряд ли уже когда-нибудь наступит, но эту счастливую минутку они точно не упустят. Радости в избытке хватало от простого понимания того, какой райской жизнью живут они сегодня по сравнению с ушедшей эпохой всенародного счастья, согретого лучезарной заботой «Отца народов».

* * *

Сашка вместе со всеми тоже встречал свою весну, шестую по счёту. Прикрыв дверь в дом, он остановился на крыльце. В потеплевшем воздухе чувствовался едва уловимый горьковатый привкус разогретой зелени тала (ивы). Этот запах появлялся лишь весной.

По первому теплу в загон выпускали Звёздку. Увидев Сашку, она негромко мычала, перебирая ушами. Маленького человека, от которого исходил запах её молока, она всегда воспринимала как собственное дитя. Звёздке тоже хотелось поскорее попасть в зелёное лето, где после пастбища Сашка встречает её из стада, даёт кусок хлеба с солью и, отгоняя веткой назойливых слепней, гладит белую звёздочку на лбу. Васька, пригревшись на треснувшей от солнца лавке, щурил зелёные глаза и был, похоже, вполне доволен собственной жизнью. Невысокое солнце, рыжее, как он, становилось всё теплее. Васька вспоминал, как прошлой весной луг под окнами превратился в бескрайнее море. Утки сели возле мостков, после, осмелев, вышли на берег, стали беззаботно смоктать плоскими носами в прибрежной воде. В Ваське немедленно проснулся охотник. Расстилаясь по земле, он подкрался к добыче и даже изготовился к прыжку, нервно подёргивая хвостом. Виной всему был, наверное, его рыжий цвет. Утки, сколько могли, смотрели на его упражнения в маскировке, потом взяли и улетели.

Генка с Сашкой с мостков ловили рыбу. Какое это было время! Васька даже зажмурился от сладких воспоминаний. Он тогда досыта наедался чебачков, после, лениво вытянув лапы, отдыхал, подставляя солнцу сытые бока.

Сашкины воспоминания тоже пришлось на половодье. Он вдруг вспомнил, как, надев материнские сапоги, он немедленно почувствовал, что водные преграды для него перестали существовать. Придерживаясь за плетень, он смело шагнул в воду, чтобы перейти на другую сторону протоки. Поначалу всё шло хорошо. Только холодная вода вскоре начала заливать сапоги, а течение всё настойчивее тянуло его на середину протоки. Стало страшно. Он остановился, вцепился в плетень. Это было самое настоящее поражение... Надо было возвращаться, но он не мог сдвинуться с места. Сапоги будто налились свинцом. Руки его замёрзли и давно уже перестали слушаться. Сашка собрался было заплакать, но потом передумал и начал, что есть силы цепляясь за прутья, выбираться обратно. Закончилось тогда всё благополучно, но он ещё никому до сих пор об этом не рассказывал. «Наверное, это нехорошо», – думал он уже не впервой.

Он ещё долго смотрел на полоску леса на краю поля, слушал, как урчит Васька, после отправился к бабушке. Там, в горнице перед иконами горе ла лампадка, а за деревянной перегородкой стоял большой сундук, окованный железными полосками. В том сундуке хранились тайны. Всегда, как только Сашка видел, что бабушка достаёт из-за иконы ключ от нафталиновых тайн, он тут же замолкал в нетерпении и начинал наблюдать за их появлением. Они бывали разные. Это мог быть старинное блюдо с вензелем, карамельки в хрустящих обёртках, тяжёлый подсвечник или баночка леденцов. Однажды бабушка достала оттуда серебристый самолётик с настоящими винтами на крыльях. «Как мог в этом старинном сундуке оказаться самолётик?» – недоумевал Сашка.

На его вопрос – откуда? – бабушка ответила: «Тайна» – и загадочно улыбнулась.

Дедушка всегда что-нибудь мастерил. У Сашки уже была сделанная им маленькая лопатка и топорик. Сейчас он «ладил» для Сашки косу. Такую же, как у взрослых, только маленькую. Большую косу дедушка называл «литовка». Он шлифовал ручку куском стерляжьей шкуры, приговаривая:

– Вот, Сашка, сойдёт вода, травы поднимутся, а у нас всё готово. Бабушка соберёт поесть, и отправимся мы тогда с тобой ранним утром к старой мельнице траву косить для Пеструхи и Звёздки.

Дедушка поставил косовище рядом с Сашкой, что-то отметил, потом продолжил:

– Вокруг мельничного озера клевера много, сено будет душистое. Мы его в копёнки сложим, потом в стог и непременно сохраним. Так что, когда зимой будешь пить молоко, обяза-

тельно вспомнишь лето, потому что молоко это будет пахнуть клевером и июльским солнышком, а ещё оно будет заработанное тобой.

– Ты, главное, запомни навсегда, – говорил он не торопясь. – Если хочешь, чтобы дело получилось как следует, начинай его загодя, да не суетись, а сам потихоньку готовься к главному. Снег лежит, а мы тебе косу готовим. То-то... И запомни: на пути к главному все дела, даже самые маленькие делишки, становятся главными.

Сашка не всё понимал, но ему очень уж хотелось идти по деревне с косой на плече и оселком в кармане, как ходят взрослые.

Варнак подошёл к нему, уткнулся носом в ладошку. У дедушки почему-то всех собак звали Варнак.

– Дедушка, а почему его зовут Варнак? Варнак – это же разбойник.

– Оно, конечно, разбойник, но это не про него. А почему Варнак? Садись, послушай. Он посадил Сашку рядом и начал не спеша рассказывать. Дедушка вообще всё делал не спеша.

– Было это давно, – начал он. – Бабушка твоя была совсем молодая, а вскоре должна была появиться на свет твоя мать. Пошла бабушка однажды из одной деревни в другую. Не здесь это было, а далеко-далеко отсюда. В степи...

– А что такое степь?

– Это такое огромное поле, а леса нет.

– Такое бывает?

– Бывает.

– Деревня называлась Сорокино.

Варнак, так звали собаку, побежал с ней, как будто чувствовал. Бабушка шла, шла, да пришло ей, как видно, время рожать. Когда она поняла, что дальше идти не может, подобрала она на дороге клочок сена, расстелила, подложила узелок под голову и легла возле дороги. «Лежу, – рассказывала потом она, – испугалась». Мамка твоя первенькой была. «Не знаю, – говорит, – что делать?»

Было это зимой, начало февраля. Варнаку, конечно, стало непонятно, зачем это бабушка улеглась? Он уж и сидел рядом с ней, и лежал – бабушка не вставала. Потом он долго крутился вокруг, заглядывая ей в лицо, пытался лизнуть, за подол тянул. Ничего у него не получалось. Тогда стал он подкапывать под ней яму и подлазить снизу, чтобы загрузить бабушку себе на спину. Сил его не хватало, но он не отступал. Скулил, все лапы в кровь содрал, но продолжал скрести мёрзлую землю. Тогда бабушка ему и сказала:

– Беги, зови Семёна, – и махнула рукой в сторону деревни.

Варнак взвизгнул, лизнул бабушке руку и побежал...

– Значит, Варнак понимает, о чём мы говорим?

– Конечно, понимает.

– Тогда почему не говорит?

– Не хочет, наверное. Собаке и то понятно: меньше болтаешь, голова целее.

Так вот. Был я во дворе и вдруг слышу: Варнак бежит вдоль улицы и поскуливает. Сердце у меня ёкнуло. А он перемахнул через изгородь, дышит тяжело, язык до земли, лает непонятно, а сам меня за штаны тянет. Я сразу и не понял, в чём дело, да хорошо – быстро догадался. Они же уходили вместе с Марией, дошло до меня, слава Богу.

– Это тебе Бог сказал?

– Это бабушка попросила, а Бог услышал её и послал Варнака ко мне. Крикнул я соседке, чтобы та собирала, что нужно для родов, и стал запрягать лошадь. Соседка прибежала с полотенцем, простынёй и чайником. Упали мы в розвальни, и погнал я следом за Варнаком таким галопом, каким смолodu не скакал. От коня пар валит, мыло под шлейкой. Варнак привёл нас в аккурат. Так и родилась, Сашка, посреди степи твоя мамка, бабушка жива осталась, но собак с тех самых пор я всегда называю Варнак.

Варнак, понимая, видимо, что разговор идёт о нём, положил голову на передние лапы, подставил блестящую щётку солнцу, однако глаза не закрывал и всё время перебирал ушами. Слушал, значит. Сашке не всё было понятно, он много раз переспрашивал, а дедушка никуда не торопился. Он всё рассказывал и рассказывал.

«Какой же он разбойник, если такой добрый и лапу даёт, а меня всегда норовит лизнуть в нос или щеку», – подумал Сашка и обнял Варнака за шею.

* * *

Вечер наступил неожиданно. Сашка возвращался домой по накатанной санями дороге и не переставая думал.

«Новое село. Какое же оно новое, если дома все старые и серые». Бабушка говорит: если село, значит, должна быть церковь. Но церкви не было. Сашка никогда не был в церкви, он вообще ни где не был. Бабушка ему много раз рассказывала, что такое церковь. Это такой белый красивый каменный дом, в котором живёт Бог. Он видит всё, наблюдает за всеми, кто и что делает на Земле, потом записывает все хорошие дела. За них он тебя после похвалит и принесёт на пасху красное яичко под подушку. Если Бог кому-то кладёт под подушку крашеное яичко, это значит, тот человек живёт правильно. Когда на пасху Сашка с Генкой просыпались, то в первую очередь они проверяли, положил ли им Бог под подушку по красному яичку? Найдя, радостные, они выбегали на кухню, где посреди стола стояло целое блюдо крашеных яиц. Мать вынимала из печи шаньги, масляные блины горкой ожидали на столе. Они, конечно, тут же начинали проверять, чьё яйцо крепче? Только сначала надо было сказать:

– Христос воскрес... После дожидаться ответа:

– Воистину воскрес...

Потом можно начинать лупаситься яйцами. Генка хитрый, он яйцо в ладошку зажимает, поэтому почти всегда выигрывает.

Ещё бабушка рассказывала, что у церкви наверху колокольня с большими и маленькими колоколами. Когда они звонят, то по небу рассыпаются маленькие золотые шарики. Добрым людям они падают в душу, и она у них от этого становится богаче. У Бога тоже есть день рождения, он так и называется – Рождество Христово. Ещё бабушка говорила, что никому не надо рассказывать, что ты веришь в Бога. «Время, – говорила она, – такое, беспокойное, но оно обязательно закончится, потому что Бог не покинул нас». Вместе с бабушкой они учили молитву «Отче наш». Это было нетрудно, как небольшой стишок. Бабушка говорила:

– Когда станет трудно, больно и помощи ждать больше неоткуда – читай молитву. Если один, можно вслух, если при людях – про себя.

Церкви не было, а поп был. Его все так и звали – Поп. Это был дядя Коля. Работал он скотником, убирал у коров навоз и вывозил его на поля. Говорили, что давно он жил в церкви и помогал Богу. Только потом чем-то провинился перед Советской властью, и его сослали сюда в Новое село, чтобы он немного одумался. Сашка как-то спросил у бабушки:

– А чем поп грешен, если его сослали?

– Ох, внучок, не поп он, а батюшка. Чист он перед Богом.

– Тогда кому он сделал плохо, если теперь живёт в ссылке и навоз на поля возит?

Бабушка долго молчала, потом отвернулась и как-то в сторону негромко сказала:

– Сатане.

– Кому, бабушка, кому?

– Да это я так, про себя. Ох, и любопытный ты у меня.

Она обняла его тёплыми руками и поцеловала возле уха.

На день Победы, 9 Мая открывали памятник. Его построил отец из гладеньких жёлтых досок. Потом он покрасил его, красиво написал фамилии тех, кого убили на войне, обвёл рам-

кой. Наверху у памятника установил настоящую красную звезду. В тот день все, кто воевал, пришли в гимнастёрках с погонами, орденами, медалями. Они выстроились возле голубого памятника, а остальные поселенцы, стоя напротив, смотрели. Батюшка тоже пришёл в гимнастёрке с тремя орденами и множеством медалей. Мужики принесли с собой охотничьи ружья и устроили в честь дня Победы салют. Батюшка в это время, стоя напротив списка убитых, читал молитву и крестился. Все на него косились, а он крестился. Только звать с тех пор дядю Колю стали все – Батюшка, и никак иначе.

Мальчишки подсмотрели, как по вечерам старухи тайком ходили к нему в покосившийся дом. Иконы бабуси несли на груди, закрывая платками. Только на поселении разве что-нибудь утаишь?

У милиционера, который в деревне был главным коммунистом и люто ненавидел всех ссыльных, называя их кровопийцами и врагами народа, умирала мать. Была она старая-старая – вот и умирала. Долго говорили поселенцы про то, как этот самый милиционер, стоя на коленях, просил при всех Батюшку Николая отпустить грехи своей помирающей матери. Грехи он старушке отпустил, только с милиционером после этого что-то случилось. Через месяц после похорон он покрестился у Батюшки, а вскоре исчез насовсем. Говорят, в монастырь ушёл. Сашка тогда спросил у бабушки:

– Разве дядя Коля Бог? Это ведь только Бог может прощать грехи.

– Он посланник Бога, – ответила бабушка.

«Посланник самого Бога – и навоз на поля? Както некрасиво получается», – подумал Сашка.

За размышлениями он не заметил, как дошёл до дому. Большим светлячком начала ночи желтела на кухне лампа. Варнак, лизнув его в нос, коснулся на прощание прозрачными ледышками глаз и, негромко взвизгнув, растворился в густеющих сумерках. Его звонкий лай ещё долго летал над засыпающей улицей.

* * *

Иртыш начинал вздуваться, покрываясь серой наледью. Трещины и забереги провели между льдом и берегом разграничительную линию, похожую на людские судьбы. Выйти за неё было уже невозможно. Вода нетерпеливо выпирала на лёд... Ей хотелось поскорее освободиться от надоевших ледяных оков, чтобы вольно гнать свои свинцовые воды до самого Карского моря.

Ледоход был событием, которого ждали. Он подводил черту под пребыванием зимы. Даже петухи в курятнике – и те в это время начинали кричать звонче. В ответ им доносились голоса других вестников весны. Так и летала по деревне голосистая карусель, услышав которую, люди начинали улыбаться. Это был ещё один признак весны...

Ждали ледохода, а он, будто желая всех обмануть, начинался, как правило, неожиданно. Всё походило на то, как кто-то всемогущий берёт огромный лист бумаги и начинает робко и неуверенно шуршать им. Осторожно поначалу, даже незаметно, но со временем всё настойчивее и громче. Когда же это баловство ему надоедало, он начинал беспорядочно дёргать и тереть огромное полотно. В конце концов терпение его заканчивалось окончательно. Тогда он начинал рвать белый лист на бесформенные куски, нервно перемешивая между собой обрывки, швырять гигантские ледяные поля, выталкивая их на берег. Льдины, приходя в движение, сталкивались между собой, раскалывались, наползали одна на другую. Хруст ломающихся льдин и грохот их ударов не были созидательными. Это были звуки дикой природы, которая с удовольствием демонстрировала слабым людям своё превосходство и необузданную силу.

Поселенцы обязательно выходили смотреть ледоход. Неизвестно почему, но людей притягивает циклопическая сила, что вершит собой любая стихия. Самой интересной частью про-

смотра было обозрение того, что проносит на льду река. Любой тёмный предмет был виден издалека. Все тут же начинали угадывать – что это? Много проносило лодок. Больших кедровок и маленьких осиновок, целых и ломаных, деревянных бочек разного калибра.

Дед Иван, к примеру, очень гордился медным краном, вывернутым из одной такой. Всем, кто приходил к нему в баню помыться, он с гордостью демонстрировал великолепный сияющий кран, очевидно, с Тобольского пивзавода. Это что... Один раз по реке несло баню. Сруб целиком, даже труба торчит. Осталось лишь мужику с веником выйти и крикнуть: «А ну, наддай, браток!..» Было шумно.

– Видишь – там чернеет. Да нет, смотри – туда, смотри, смотри...

Вдруг все замолчали... По середине реки несло сторожевую вышку.

Откуда она взялась, где её смыло? Вероятнее всего, в Аремзянах на сортировке леса. Только показалось всем, что это не лёд хрустит, а их косточки, по которым катится сатанинская эпоха. Три года прошло после 53-го, а боль никак не хотела утихать. Все сникли, только кто-то сквозь зубы процедил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.